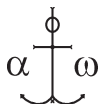

СВЯЩ. ГЕОРГИЙ КОЧЕТКОВ

БЕСЕДЫ ПО ХРИСТИАНСКОЙ ЭТИКЕ

ВЫПУСК 2

Издание 3-е

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ
ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ
МОСКВА 2006

УДК 241
ББК 86.37
К 75

Кочетков Георгий, свящ.
К 75 БЕСЕДЫ ПО ХРИСТИАНСКОЙ ЭТИКЕ. Выпуск 2. 3-е изд. — М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2006. — 56 с.

ISBN 5-89100-067-9

Беседы, которые автор проводил в 1990–92 гг. в качестве добавления к огласительным беседам, представляют собой благовестовательный жанр, любимый святыми отцами и учителями Церкви в «классические» свято-отеческие столетия (III–IX вв.). Он является довольно забытым в новое время. Жанр беседы отличается от проповедей или писем духовным чадам тем, что это прежде всего устный жанр: речь беседы течет в стилистике живого диалога со слушателями. В беседах воспроизведены вопросы слушателей и ответы, так что и читатель может представить себе эту аудиторию, узнать о проблемах, волновавших ее в тот момент. В настоящий сборник вошли беседы «Нравственное доказательство бытия Божия по И. Канту и М. Булгакову» и «Магия, ведовство, колдовство, вампиризм».

Серия продолжается. Она рассчитана, кроме взрослых оглашаемых, на студентов и преподавателей христианских учебных заведений, а также всех, интересующихся современными аспектами осмысления и воплощения в жизнь принципов христианской этики.

- © Свящ. Георгий Кочетков, 1995
- © Свято-Филаретовский православно-христианский институт, оформление, 2006

Беседа 3

Нравственное доказательство Бытия Божия по И. Канту и М. Булгакову

Не так давно я был в одной аудитории и студентам, молодежи, о чем-то рассказывал, и вдруг там возник вопрос о доказательствах бытия Божия. Возник настолько серьезно, что я удивился. А сегодня у нас как раз есть возможность на эти темы поговорить особо.

Как быть с нашей внутренней потребностью иметь доказательства бытия Божия? Она тем более важна, что наша современная цивилизация, наша современная культура и наука (но не та наука XIX в., которая часто нам преподается под именем «современной», а всерьез современная наука) оперирует такими понятиями, как «верификация», т. е. подтверждение правильности положений той или иной системы. Это с одной стороны. Возможна ли верификация в области веры? И как соотносятся вера и знание в принципе? Есть люди, которые очень резко их разделяют, а есть те, которые без их соединения вообще не хотят ни о чем говорить, в связи с чем у них часто возникает интерес, и в наше время не угасший (несмотря на то, что в общем-то это «дела давно минувших дней» в духовной жизни человечества), — интерес к современной психологии, которая сплошь и рядом идет по пути несколько механического соединения областей веры и знания, к теософии, к антропософии и т. д. и т. п.

С другой стороны, мы сознательно или бессознательно, вольно или невольно думаем, что вот, наконец-то настало время, когда можно говорить о христианстве, можно слушать проповеди и их заказывать, и как хорошо, что христианство проповедуется другим людям. Потому что оно призвано исправить столь пошатнувшиеся нравы наших соседей и вообще соотечественников. И все же путь к Богу через этику, нравственность и через знание, требующее доказательств, — путь, кажется, проложенный очень давно.

Задумаемся и над этим путем и разберемся, что здесь хорошо, а что здесь плохо, насколько этот путь оправдан и может быть осмыс-

лен и сохранен, и даже развит, а насколько нет, т. е. насколько он является плодом механических внушений, недоразумений и т. д.

Михаил Афанасьевич Булгаков жил в трудные годы, когда зло наступало и, кажется, было недалеко от того, чтобы окончательно победить даже всякое помышление о добре. И вот великий писатель задается вопросом о том, как это может быть? И где же тогда Бог, являющийся для всех гарантом победы добра? В своем романе «Мастер и Маргарита» Булгаков пытается придать смысл происходящему в жизни и оправдать и доказать Бога в Его действии через оправдание зла и придание ему мистического смысла. Зло нужно, чтобы отомстить за грехи. Дьявол (профессор Воланд) — «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Если есть такое отмщение, если есть такой сатана... значит, есть и Бог, и благо; и добро хотя бы в конечном счете победит.

Жить при советской власти и вовсе не идти на компромиссы было не дано никому. Бескомпромиссных ждала немедленная смерть. Хотя все же таковые были. И слава Богу! «Благословенно воинство Царя Небесного, аще и земнородными были страсотерпцы, но ангельского чина потщашеся достигнуть, о телесех небрегше...»

Взяв на себя ответственность за все происходящее в жизни, Булгаков причисляет и себя к «падшим», но при этом он хочет на что-то еще надеяться. И покой, как высшая награда дьявола благородным, но запачкавшим себя компромиссом людям, становится для смирившегося перед злом Булгакова высшей и достойной и, увы, приемлемой целью. Именно этим образом можно было осмыслить и оправдать всю эту страшную жизнь.

Обратимся теперь к Канту. Что такое нравственное доказательство бытия Божия по Канту?

Кант построил свою этику (а для него это очень существенная область) на основе выводов своей книги «Критика практического разума». В основе этики Канта лежит представление о человеке как личности, при этом всякая личность воспринимается им, в русле идеи Руссо, как самоцель, которая ни в коем случае не должна рассматриваться как средство осуществления каких бы то ни было задач, хотя бы эти задачи были задачами всеобщего блага. Это интересно. XX век, как видите, здесь часто уступал XVIII и XIX веку.

По Канту, основной закон этики — это формальное внутреннее поведение человека, его внутренний априорный категорический императив. Кант стремился отделить сознание нравственного долга от

чувственной и эмпирической склонности к выполнению этого нравственного закона. Он был уверен, что поступок человека может быть моральным только тогда, когда он совершен исключительно из уважения к нравственному закону, и в случае конфликта между чувственной склонностью человека (той или иной) и нравственным законом (вот этим априорным законом) Кант требует безусловного подчинения человека нравственному закону. Он считает, что это заложено в самой природе человека доопытно, априорно. Это связано с «категорическим императивом», тем внутренним повелением, которое отличается от всякого условного, «гипотетического», по выражению Канта, императива.

Таким образом, знаменитый «категорический императив» Канта — это такая этическая максима, которая безусловно существует и желательна для всех. Она одна для всех, для каждого человека независимо ни от чего. Это внутреннее требование. Как у каждого человека должно быть два глаза, два уха и т. д., так же он должен в себе нести определенный набор внутренних нравственных требований, которые он всегда, во всех случаях должен исполнять. Это всеобщий, обязательный принцип жизни каждого человека.

Обычно этот принцип называют отвлеченно-формальным. В нем заложено представление о чистом самоопределении свободной воли человека, воли в себе и для себя, той воли, которая для Канта только и представлялась чисто человеческой волей.

И тут нужно отметить еще один, на первый взгляд даже незначительный, момент: Кант считает, что не нравственность основывается на религии, а наоборот, религия должна основываться на нравственности. Это тоже довольно интересно, хотя без дополнительных определений такое положение может представляться недостаточным или непонятым. Почему? Потому что неясно, что здесь понимается под религией. Если она внешнее оформление духовной жизни, то это одно, но если она сама суть ее, то это совсем другое. В любом случае Кант говорит о вещах внутренних, личностных, индивидуальных, таких вещах, которые только и могут идти изнутри, как бы снизу, так же как и сама философия смотрит снизу вверх и этим движет человека вверх, к Небесам.

И здесь вдруг неожиданно, по-настоящему неожиданно, так, как это уловил Михаил Афанасьевич Булгаков, возникает для Канта вопрос о Боге. У Канта были довольно оригинальные представления о Боге: для него существование Бога есть только оплот существования

нормы нравственного поведения. Кант обращает внимание на тот опыт, на то чувство, которое присуще каждому мыслящему и глубокому человеку. Он говорит о том, что между моральным или аморальным поведением человека и его эмпирическим и чувственным счастьем или несчастьем в жизни не существует полного соответствия, т. е. человек может чувствовать себя счастливым и при этом быть очень далеким от нравственного идеала, и наоборот.

Это вещь далеко не новая для общечеловеческой проблематики, но поражает глубокая убежденность Канта в том, что, по голосу нравственного сознания человека, это соответствие должно быть, и к нему непременно должен стремиться каждый человек. И оно, по Канту, достигается. Но достигается уже не в эмпирии, не в эмпирической жизни, а в умопостигаемом трансцендентальном надэмпирическом мире, вот в этом самом априорном мире, о котором так много говорил Кант, исследуя «вещи в себе».

Тут возникает вопрос: откуда же эти «вещи в себе» взялись в априорном мире? Выходит, что над ним, над этим трансцендентальным миром, в мире трансцендентном для Канта только и возможны свобода, бессмертие и Бог. И эту истину уже нельзя никак теоретически доказать, она является лишь как необходимый постулат и требование нашего практического разума, того практического опыта, который каждый из нас имеет, независимо от разума теоретического.

Кант абсолютизировал, таким образом, нравственный закон. Для него был неустраним разрыв между «существующим» и «должным», как и между субъективным стремлением человека к правде и объективным состоянием общества.

Вот кратко то, что было нужно вам сейчас сказать о Канте. Я немного модернизировал его рассуждения, но лишь для того, чтобы не утяжелять рассказ. И теперь давайте подумаем о том, что же нам дает все то, о чем шла речь. Есть некое учение Канта, исторически известное, есть его рецепция (принятие, признание или непризнание в истории), и есть наша современная жизнь, часть которой была отражена Михаилом Булгаковым. Булгаков как бы повторяет путь Канта. На самом деле он тоже отвергает все возможные доказательства бытия Божия, в том числе и кантовское, и тоже строит следующее, новое. Это не сразу видно, хотя с великим умом и юмором М.А. Булгаков, сам же над собой подтрунивая, об этом пишет: «Сейчас вам будет представлено доказательство бытия Божия», как бы следующее доказательство. И доказывает он бытие

Божие через доказательство бытия дьявола в этом эмпирическом мире. Сделать это, как вы прекрасно понимаете, не так трудно. Зло в мире существует — это очевидно для всех здравомыслящих людей. Но существует и добро. И есть, или должен быть, некий универсальный принцип соотношения того и другого в нашем мире.

Вот Булгаков и пытается доказать универсальность этого принципа точно так же, как это делал Кант. Ему для себя нужно было понять, как может существовать такой мир, как наш, в свете монизма, в свете монистического представления о целостности мира. Он думает, что ничего в этом мире не происходит случайно, что все имеет свой явный или тайный смысл, что все со всем связано и если кто-то страдает от какого-то зла, то он страдает не зря, он скорее всего виноват в этом сам. Если вы помните еще одну страничку из романа, где вдруг магически показывается эпизод военных действий и там на войне умирают как бы невинные люди. Но мудрый дьявол, профессор Воланд, поясняет, что они-то погибают, а вот рядом кричащий младенец не погиб, потому что «он еще не успел согрешить». Этим предполагается, что тот, кто погиб, уже успел.

Это большая проблема. Нам, боюсь, придется разрушить и седьмое доказательство бытия Божия, данное Михаилом Булгаковым. Будем надеяться, что мы далее не пойдем по их пути и не соорудим еще одного доказательства, которое, конечно, придется в любом случае кому-то еще разрушить. Но с этими доказательствами еще надо разобраться. Ведь в каждом из нас сидит именно то, о чем писал Кант и о чем так горестно и в то же время мужественно и весело писал Булгаков. Нам нужно разобраться в том, как является Бог в этом мире и можем ли мы с вами всерьез говорить о том, что в этом мире «всё от Бога»; не «все Божественно», не «все Бог», как говорят пантеисты, и с критикой их никто не спорит — а «все ли от Бога»?

Булгаков хотел найти смысл там, где смысла нет. Подобной же вещью занимался и Кант, хотя и отнес ее куда-то в заоблачную высь, в изначала трансцендентальную реальность, априорную реальность, а потом и дальше, в реальность трансцендентную, в которой, как я и говорил, только и может, по Канту, мыслиться существование свободы, бессмертия и Бога.

Впрочем, мы в чем-то с ними можем и согласиться. В чем? По-настоящему верно, что есть некий нравственный закон. Мы его признаем по той простой причине, что не признав его, мы должны сразу отвергнуть всякую нравственность вообще. И никто из нас, наверное, не

Содержание

Беседа 3

Нравственное доказательство
бытия Божия по И. Канту и М. Булгакову 3

Беседа 4

Магия, ведовство, колдовство,
вампиризм 22